

## «ТАК ХОЧЕТСЯ РАБОТАТЬ!»

### Переписка академика и солдата

*Р. Федоров*

В аэропорту Вашингтона журналисты спросили Кирилла Павловича Флоренского: с какими особыми предосторожностями вез он американским коллегам бесценный груз — образец лунного грунта? Ученый ответил, что все было очень просто: он положил капсулу с грунтом в карман своего пиджака.

«Он трогал лунный грунт теми же руками, которыми в 1945-м наводил пушку под Познанью» — так было написано в одной из польских газет, когда Флоренский, уже признанный ученый, посетил места, по которым проходил его боевой путь солдата Великой Отечественной войны. Польский журналист почему-то упомянул лишь Познань... Путь с боями по польской земле был долг и труден.

И путь к исследованиям лунного грунта также. Наверное, не случайно анализ его доверили и Флоренскому. «Как экспериментатор он совершенно исключительный, — такую характеристику давал ему академик В.И.Вернадский. — То, что я всегда ценю в своих учениках: с большой инициативой и смелостью мысли. Я редко встречал такую исключительную ловкость пальцев и рук — основное для физико-химической работы».

Но дело не только в лестной характеристике, данной выдающимся ученым. Еще до лунного грунта была в биографии Флоренского «встреча» с другим космическим телом: в пятидесятых годах он принимал участие в экспедициях к месту падения Тунгусского метеорита. Оплавленные при мощном взрыве космического пришельца шарики земной породы, найденные в тех краях, были похожи на шарики лунного реголита — поверхностной породы нашей космической соседки, сформированной непрерывным «обстрелом» ее метеоритами.

Отправляясь в тунгусскую экспедицию, он заранее позаботился узнать сводку погоды для тех мест на день падения метеорита. Особенно интересовали

его направление и сила ветра. Здесь в нем говорил и артиллерист: ветер мог повлиять на траекторию метеорита, на разлет поднятого взрывом грунта, направить в определенную сторону пламя лесного пожара. Выбросы оплавленных частиц ученый искал там, куда они — по его представлениям артиллериста — должны были падать при разрыве снаряда.

В этом доме умеют хранить память. Зинаида Сергеевна, вдова Кирилла Павловича, достает подарочный альбом в красной обложке. Это сувенир из воинской части, в рядах которой Флоренский прошел дорогами Великой Отечественной от Сталинграда до Берлина. Потом, спустя годы, когда уже заведовал лабораторией сравнительной планетологии в Институте геохимии и аналитической химии АН СССР и вел исследования лунного грунта, доставленного на Землю автоматическими станциями, он был приглашен в гости к наследникам боевой славы. На фотографиях рядом с кадровыми офицерами Флоренский в штатском костюме выглядит сугубо мирным человеком. Однако же, вернувшись из этой поездки домой, он с солдатской гордостью заметил:

— Между прочим, судя по колодкам, воинских наград у меня побольше, чем у нынешнего командира дивизии...

Война была трудной работой. И необходимой. «... Один выход — работать, воевать не покладая рук, не щадя жизни, поскорее покончить с врагом и отучить его раз и навсегда вмешиваться в спокойную, творческую жизнь Родины. Может случиться — все мы смертны, — что я и погибну в этом бою, но ты должна помнить, что это не зря — это лишь исполнение долга перед Родиной и сделано для вашего счастья, для вашей будущности...» Так писал с фронта жене Флоренский в мае 1943 года.

Война не могла отучить ученого мыслить о послевоенном мирном будущем. В этих раздумьях на военных дорогах помогали письма учителя — академика Владимира Ивановича Вернадского. Небольшие листки бумаги с экономно отпечатанным мелким шрифтом пишущей машинки Флоренский

пронес через все фронтовые невзгоды, сохранил как самое драгоценное. И сегодня они хранятся в ящике рабочего стола в его кабинете...

«Только что получил ваше письмо, — сообщал на фронт академик Вернадский 15 мая 1943 года из Борового в Казахстане, куда был он эвакуирован из Москвы. — Очень был обрадован. Это исторический документ нашего времени. Очень надеюсь, что мы с вами доживем до того, что, мне кажется, вскрывается в нем, — новой эры для человечества, ноосферы.

Но пока дойдем до этого времени, сколько мучений, бессмысленных и ненужных. Никогда я не чувствовал так, как теперь, с одной стороны — космический процесс, а с другой — пылинку-человека в нем. Самые глубокие и, казалось, высокие понимания окружающего исчезают из-под ног. Никак нельзя понять, для чего нужны такие страдания, какие сейчас происходят в возникшем вторично в человечестве вандализме...»

Какая убийственная характеристика фашизма звучит в этих словах ученого: «возникший вторично в человечестве вандализм!» Ему был совершенно ясен неминуемый конец носителей этой идеологии, неприемлемой для здравомыслящего человечества. Отсюда проистекали неизменно оптимистический взгляд В.И.Вернадского на будущее и стремление донести его до своего сражающегося на фронте ученика, поддержать устремленность его мысли на послевоенную созидательную и творческую работу.

«Меня очень заинтересовали указания ваши на то, что “все покрытое льдом на солнце сверкает и при ветерке издает тонкие и мелодичные звуки”, — откликнулся в марте 1944-го Вернадский на письмо Флоренского, где тот красочно описывал картину гололедицы, которую ему довелось увидеть в дни фронтового затишья. — В кристаллографии, мне кажется, мы имеем дело не просто с векторами, а векторами, которые находятся в атомном движении, в росте. Это ясно было высказано впервые Гроссманом в начале прошлого столетия и не получило дальнейшего развития. В конце прошлого столетия и начале этого, по-видимому, не зная о Гроссмане, в Гейдельберге В.Гольдшмидт (дальний родственник норвежца Гольдшмидта) указывал на связь с

музыкальной гармонией гармоничности строения кристаллов. Это направление мысли, мне кажется, имеет большое будущее. В моей молодости я пытался подойти к этому экспериментально. Для твердого тела мы далеко не знаем всех полиморфных форм».

Месяцем раньше, в феврале 1944-го, В.И.Вернадский обращал мысли ученика к его работе, прерванной войной:

«Мне хотелось, чтобы вопрос о растворе каолина был вами закончен до конца. Думаю, что такой раствор откроет широкие возможности для синтеза силикатов и алюмосиликатов...» Одновременно ученый сообщает о своих исканиях: «Удалось, мне кажется, перехватить нить мыслей, которая была потеряна в 1906 г. благодаря внезапной смерти Пьера Кюри, о симметрии как о “состоянии пространства”. Мне кажется, такое понимание, может быть, приводит к целому ряду важных новых выводов. Другая работа: “Несколько слов о ноосфере” появится в “Успехах современной биологии”. Благодаря понятию о ноосфере я смотрю в будущее чрезвычайно оптимистично».

И снова внутренне продолжая свои размышления о необходимости и неизбежности наступления эры, когда ходом биосферных процессов на Земле будет управлять постигший их существо человеческий разум, ученый обращается к оценке текущих событий:

«Немцы предприняли противоестественный ход в своих идейных построениях, а так как человеческая история не есть что-нибудь случайное и теснейшим образом связана с историей биосферы, их будущее неизбежно приведет к их упадку...»

С той же, по-видимому, целью — поддержать и в трудных фронтовых условиях творческую направленность мысли ученика — В.Вернадский посылал ему свежие публикации своих научных работ.

«Вы — первый, кто откликнулся на мою просьбу о присылке литературы, — писал К.Флоренский с фронта в декабре 1944 г. — Для меня была совершенно новой ваша работа о ноосфере. К глубокому сожалению, я не

знаком с вашей работой о земных оболочках, на которую вы часто ссылаетесь. Ряд идей, которых вы касаетесь, глубоко заинтересовал меня...»

Письма на фронт... Когда я брал их в руки, даже зная о том, что они пронесены по дорогам войны, что они хранят мысли выдающегося, с мировым именем и значением идей ученого, я не ощутил их музейной ценности. Лишь вдумываясь в текст, в смысл переписки ученого и его ученика, понял великую историчность ее. Письма ярко рисуют характер тех сил, что противостояли фашизму, войне. На той стороне фронта был «вторично пробудившийся в человечестве вандализм», на этой — солдаты созидающей страны, люди, творчески думающие о будущем, о планете, жизнь которой направляется разумом.

Академик Вернадский не дожил до Победы. Он умер в январе 1945-го, когда его ученик сражался на подступах к Берлину...

«...За эти два месяца я получил четыре благодарности от Сталина и орден Отечественной войны II степени, — писал Флоренский в марте 1945-го жене, наверное, упрекавшей его за долгое отсутствие вестей. — Не думай, пожалуйста, что все это делается так просто. Это лучшее доказательство того, что все мы думаем о вас, думаем о Родине и стремимся скорее к вам... Если бы тебе пришлось делать в день по 50 километров даже в спокойной обстановке, тебе было бы уж трудновато думать о другом. Проходить же столько с боями — это несравненная трудность...»

Кириллу Павловичу посчастливилось встретить день Победы в Берлине.

«Так хочется работать! — писал он жене. — Вся военная жизнь ведь посвящена вопросу, как лучше разрушить, сломать, убить. Когда без этого нельзя было обойтись, относились к этому, как к тяжелому, но священному долгу. А теперь хочется создавать, а не разрушать...»

Судьба К.П.Флоренского — солдата и ученого — заставляет вспомнить торжественную латинскую поговорку: «Через тернии — к звездам!» Созданные им и при его участии приборы, установленные на борту космических кораблей,

достигли Луны, Марса, Венеры, оставив на дальних небесных телах след деятельности человека.

— Мы смотрим на соседей, чтобы лучше понять себя, — говорил Флоренский. — Знание геологического строения планет прежде всего помогает нам познать нашу Землю...

Бег времени неумолим. Рвутся живые нити, связывающие нынешнее поколение с теми, кто прошел по дорогам войны, — ветераны уходят из жизни... Но мы умеем хранить память.

Р.Федоров